СТАРОМОДНЫЙ МОРАЛИСТ

В 1995 году отмечается столетие со дня рождения Зощенко. Под таким пышным названием проходили и проходят масса мероприятий, которые организовывают различные ведомства, организации и просто деятели. Все хорошо, только с одной поправкой: столетие Зощенко было в прошлом году, о чем "МК" писал неоднократно. В прошлом году на проходившей в Санкт-Петербурге конференции, посвященной Михаилу Зощенко, это недоразумение было выяснено. Напутали с метриками, потом путаница перешла во все официальные издания... И все-таки мэтру исполнился сто один год — стоит отметить. Поэтому "МК" попросил рассказать о нем Вячеслава Всеволодовича Иванова, сына известного советского писателя Всеволода Иванова,

Моск. комсомолец. – 1995. – 12 авг. – с.2

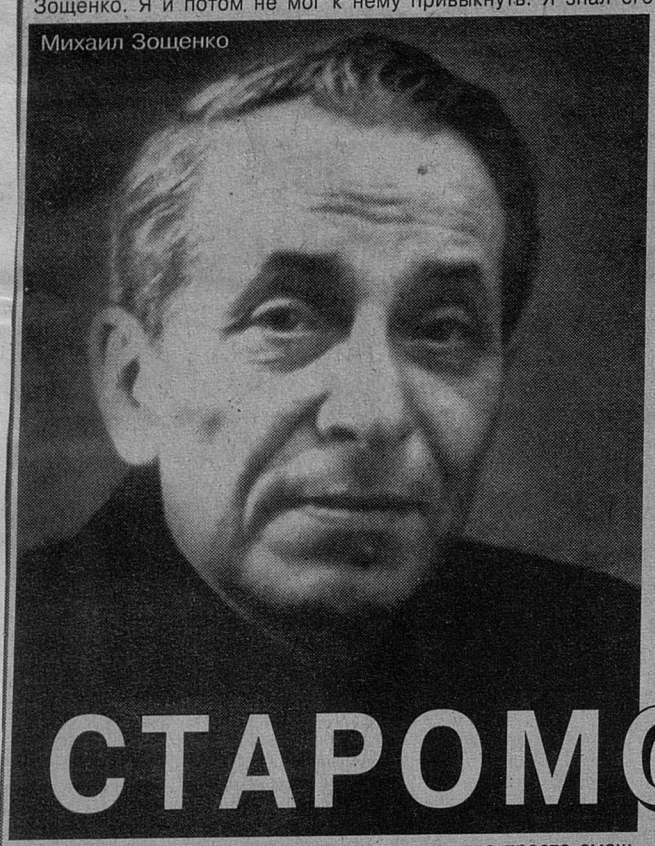
который очень хорошо знал Зощенко на протяжении многих лет. Вячеслав Иванов — не только сын известного писателя, но и всемирно известный ученый, действительный член РАЕН, иностранный член Британской Академии, двух американских и одной латышской, лауреат многих премий и прочая, и прочая...

"А это Зощенко, тот самый, который смешной..."

— О путанице с датами я узнал только на конференции. Мы при жизни Михаила Михайловича никогда этот вопрос не обсуждали. Он не очень интересовался датами своего рождения. К возрасту относился с некоторым беспокойством, как вообще к своему здоровью.

— А как вы с ним познакомились?

— В Коктебеле, в Доме, который тогда назывался Отдыха (не было еще фантастического слова Творчества) ленинградских писателей. В Коктебеле было два писательских угодья. Одно — для московских писателей — дом Волошина и еще какие-то дома вокруг, а другое — для ленинградских писателей. Их потом объединили. Мой отец, зная, что я, как и вся молодежь нашей семьи, люблю рассказы Зощенко, сказал: "Пойдем познакомимся с Зощенко". Я был, конечно, очень доволен. Помню, что комната была очень светлой. Меня несколько поразил вид Зощенко. Я и потом не мог к нему привыкнуть. Я знал его


Михаил Зощенко

смешные рассказы, которые казались мне тогда просто смешными. А он был меланхолическим, печальным человеком с грустной усмешкой. И еще удивительно — южная внешность у него была: смуглый, черный. Поражало сочетание разных необычностей в его облике. С первого знакомства у меня осталась на память маленькая книжка, которую Михаил Михайлович мне надписал - "Рассказы о Ленине". Я очень люблю Зощенко-юмориста, но эти рассказы не произвели на меня особого впечатления. Не по политическим причинам.

— Как вы думаете, что заставляло его писать о Ленине?

— Я думаю, что Зощенко не особенно кривил душой, Ленин ему нужен был как модель человека, который в быту мог казаться примером для детей. В каких-то случаях. Неудачность этих рассказов, на мой взгляд, в их лобовой назидательности. Она у него всегда была, но обычно в смешной, непрямой форме.

"Ему было на них плевать"

— Насколько Зощенко приближался к власти?

— Он был вне политики. Совсем. Всегда. И даже когда вышло ждановское постановление, то он Сталину написал: "Иосиф Виссарионович, Вы ошиблись". Почему Зощенко считал, что Сталин ошибся? Не потому, что он не был против Советской власти, а потому что он вообще политически никак не был завербован. В ранних записках о себе (самое начало двадцатых годов) Зощенко писал, что он занимается литературой, и "Серапионовы братья" (литературное объединение двадцатых годов, куда входили Вениамин Каверин, Всеволод Иванов, Константин Федин, Михаил Зощенко и другие. — **А.К.**) соответствовали его собственной позиции, так как они занимались только литературой, а никак не политикой. "И большевики, может быть, даже лучше других", но не в этом дело. Он весь был в литературе, совсем не в жизни. В жизни он отнюдь не был ханжой и мог вполне и выпить, и ухаживал за женщинами всю жизнь.

— А общение с самими вождями?

— Нет, насколько я знаю. Зощенко как раз отличался тем, что не бывал на встречах с правителями, да его и не звали. Был забавный эпизод в его жизни: дружба с Василием Сталиным, которого он звал Васькой. Это было в Алма-Ате, во время войны. Они были в одном богемном кругу. И некая дама, которой увлекался Зощенко, была также предметом ухаживаний Василия Сталина. Они друг другу понравились. Василий Сталин приглашал Зощенко на какие-то выпивки, вечеринки... А Зощенко в обществе был очень приятен. Он был интересным рассказчиком, собеседником и собутыльником, так что можно понять Василия Сталина. Кроме того, Зощенко был невероятно популярным писателем, как недавно Высоцкий или тогда Есенин. Хотя многие, в том числе и он сам, задумывались, не было ли знакомство с "Васькой" причиной того, что он попал в сферу особого внимания Сталина?

— А могли постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград" быть следствием этого?

— Я хорошо помню время, когда Зощенко вернулся из Алма-Аты, шел сорок третий год, и он в гостинице "Москва" и у Федина читал только что законченную книгу "Перед восходом солнца". Середина войны — время относительной духовной свободы, когда на фоне общего тяжелого положения страны и цензура, и бдительность редакторов немного ослабли. Зощенко дали возможность начать печатать эту книгу в "Октябре", потом прервали и начали прорабатывать. Но к концу войны власти, и особенно Жданов, бывший главным советником Сталина по идеологии, хотели показать на конкретном примере, что послабления не будет. И Зощенко был выбран образцом для наказания. Почему выбрали именно его? Случайно? Рассказ "Обезьянка" не такой уж страшный, как они его истолковали. Скорее Зощенко как самый популярный и самый внутренне-свободный писатель (ему было на них плевать, он не подобщался, всегда писал только то, что его занимало) не давал им спокойствия.

Разные люди по-разному воспринимали государственную идеологию. Многие, кто начинал вместе с Зощенко с отказа от нее, пришли потом к созданию искусственной. Например, такой же "серапионов брат", как Зощенко, Федин вышел из партии и сказал, что теперь у него есть полка с книгами и он начинает писать. А затем стал писать, подыгрывая власти. Но у Зощенко даже не возникало проблемы создания искусственной идеологической позиции. Он был совсем некомпромиссным человеком. Вероятно, тоже одна из причин, почему он вызвал такой гнев. Таких, как он, все-таки было очень мало. Его можно сравнить с Булгаковым, но даже у Булгакова были попытки подольститься: пьеса "Батум", например.

"Прошел мимо, как астральное тело"

— А как отреагировали литературные круги на постановление о Зощенко и Ахматовой?

— Ужасно. Писатели были испуганы, и многие бывшие друзья Зощенко вели себя очень плохо. Самым ужасным был Катаев. (Они встречались в таких же компаниях, как и со Сталиным-младшим, с женщинами и вином). И Катаев предал Зощенко дважды. Первый раз, когда его только начали ругать, еще до постановления ЦК, и второй раз — после. Оба раза публично. Кричал, что не может быть с Зощенко в одной редколлегии "Крокодила". После просил прощения, водил его в ресторан, где на большую сумму денег заказывал ужин.

С Мариэттой Шагинян тоже был случай. Приехав в Ленинград, она пригласила Зощенко в ресторан, но ее отговорили. Тогда она взяла приглашение обратно, прислав с запиской сумму денег, отведенную на угощение. А Федин, который тоже был немаловажным человеком в Союзе писателей, старался помочь Зощенко деньгами, доставал для него переводы. Каверин посылал ему деньги регулярно. Маленькая группа писателей собирала для Зощенко деньги, когда ему было не на что жить.

— Правда ли, что у него отобрали хлебные карточки?

— Да. Сталин делал вид, что он не знал. Однако без его указания едва ли такое было возможно. И я думаю, что болезнь, от которой Михаил Михайлович умер — анорексия нервоза (психологическая невозможность прикоснуться к пище) — результат этого времени, когда он боялся, что не прокормит семью, что нужно беречь пищу. Когда мы с ним встречались незадолго до его смерти, он не мог есть. Мы целый вечер сидели вместе, был накрыт стол, он говорил: "Сейчас я, кажется, съем этот кусочек сыра..." И не мог.

Но самым страшным было то, что случилось уже после смерти Сталина, в 1954 году. В воздухе носились перемены, хотя на деле мало что изменилось. Люди начали возвращаться из тюрем. И тогда приехали английские студенты. Они захотели встретиться с Зощенко и Ахматовой. И Зощенко на встрече очень решительно сказал, что он не согласен, чтобы его называли подонком, как это делал Жданов. Вслед за этим приехал Симонов из Москвы, было собрание писателей, на котором снова громили Зощенко. И большинство писателей опять там себя плохо показали. Они еще боялись.

Ахматова боялась за сына, который был в лагере. Я никогда не чувствовал, чтобы Зощенко боялся ареста. Но он, конечно, тоже волновался. Но волновался о своей семье. Он хотел одного: чтобы безбедно жили жена, сын и еще одна женщина, давнишняя его привязанность. Прежде у него подобной проблемы не было: он получал большие гонорары.

"Вышлите подстрочник!"

— Было ли у Зощенко "вынужденное творчество", соответствующее эпохе, ради денег, ради статуса?

— В его случае это были в основном переводы. Просто для заработка. В то время Зощенко использовали для демонстрации сталинской дружбы народов, которая вообще-то была фикцией. А надо было как-то ее изобразить. Многие халтурщики этим занимались. Но Зощенко халтурщиком не был. Он как-то пришел к нам и говорит: "Один писатель, которого я должен переводить, мне посылает телеграмму: "Скорей высылайте подстрочник! Журнал торопит!". Он роман не написал, а подстрочник — текст самого Зощенко, хотел получить вперед.

— И что? Выслал?

— Нет. Он за других не писал.

— А проблема творчества для будущего — "в стол" — его не тяготила?

— Собственно, "в стол" была написана только вторая половина "Перед восходом солнца", рукопись которой он отдал моей маме на хранение. "Перед восходом солнца" — книга, в которой Зощенко пытается найти причину своего невроза, депрессий и печали. Он находит ее перед восходом солнца, т.е. в раннем детстве. "Перед восходом солнца" он писал для пользы людей. Книга имела психотерапевтическое значение, как сказали бы мы сейчас. И его волновало даже не столько, что она не будет напечатана, сколько, что пропадет этот опыт. Многие специалисты по психоанализу очень высокого мнения об этой книге.

"Этот пошлый поэт Бальмонт..."

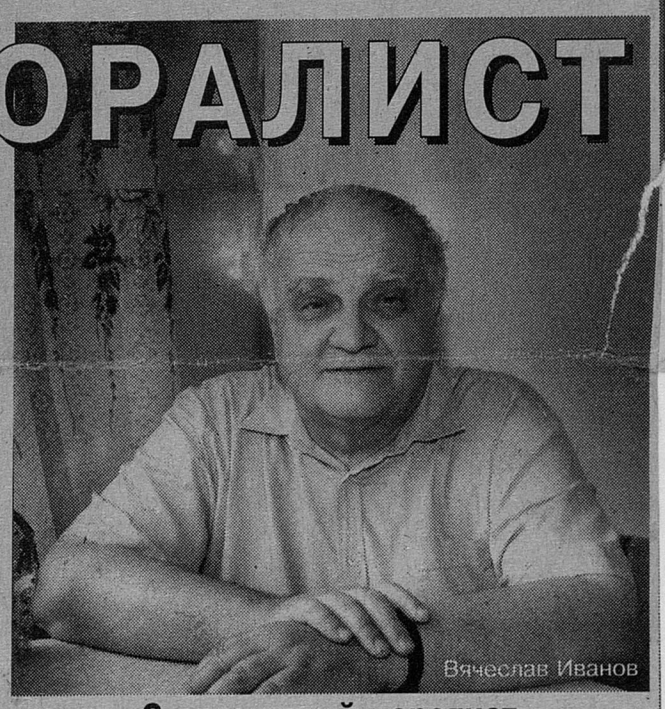
— А как в нем все уживалось: интеллигентная внешность, аристократические манеры, офицерский кодекс чести и простонародные рассказы?

— Я думаю, что "бедность языка" Зощенко — определенный литературный прием. Я его воспринимаю как человека очень аристократичного. Аристократизм и шик — категории, в которых он оценивал людей. Что для него было очень важно? Поэзия начала века, которую он очень любил: Ахматова, Блок, Гумилев. Изысканная поэзия, рафинированная. Задача Ахматовой была выразить внутренний мир того человека, который у Зощенко никак не отражен. А у него был описан другой мир глазами этого человека. Который мог бы быть героем Ахматовой. Но они живут как бы в разных мирах. Его собственное искусство было попыткой создать картинку другого мира. Он описывает этот мир глазами человека, которому драки в коммунальных квартирах, мелочность, низость — чуждо и враждебно.

В "Улиссе" Джойса два героя — мещанин Блум и поэт, прошедший через поэзию начала века, Стивен Дедалос — в них соединены эти две стороны, которые были разъединены в Зощенко. Основная трагедия Зощенко, на мой взгляд, заключалась в том, что у него был свой поэтический идеал, но он не соответствовал тому, что Зощенко видел в жизни. Жизнь все время оказывалась иначе устроенной.

— А как тогда объяснить то, что эту не соответствовавшую его представлениям жизнь он не хотел покидать. И, когда узнал, что Пастернак отдал "Доктора Живаго" печатать на Запад, сказал: "У нас это не было принято"?

— Его наивные представления об офицерской чести сказывались и в отношениях со страной. Хотя были и в его время писатели, печатавшиеся за границей. Замятин, Пильняк, например. А "серапионы" не печатались. И когда Горький предложил всем "серапионам" эмигрировать, они отказались. Был такой момент, когда Горький сам собирался уезжать, поссорившись с Зиновьевым. Горький сказал: "В этой стране работать нельзя, я уже устроил вам всем переход через финскую границу". "Серапионовы братья" не собирались пересекать границу. И для Зощенко тоже важно было не столько напечататься хотя бы за границей, сколько дойти до широкого читателя в своей стране. И это ему удавалось. Родители мне рассказывали, что когда они ездили вместе с ним, то его необычайно бурно встречали чуть ли не на каждой станции. Даже после постановления ЦК о журналах "Звезда" и "Ленинград" рабочие на заводах его читали, хотя к тому времени его книги уже не переиздавали. Более того, нарушение связи с читателями было для него трагедией. Даже в свое время по совету Горького он издал свою переписку с читателями. Поразительно в этом его сходство с Гоголем, ощущавшим себя не столько писателем, сколько мессией.


Вячеслав Иванов

Старомодный моралист

— В ваших воспоминаниях вы называете Зощенко старомодным моралистом...

— Он понимал честь в старинном смысле, и ему нравилось проявление сильных чувств, не осложненных никакими современными хитросплетениями. Он не был модником в этом смысле. Такие принципы в наш век очень редко встречаются.

— В отношениях с женщинами он был также старомоден?

— Михаил Михайлович, по словам моей мамы, был замечательный ухажер. Он поклонялся красавицам и не был феминистом в том смысле, что женский ум мог его прельстить, не вызывая романтических эмоций. Я знаю историю о Зощенко и одной актрисе, которую мне рассказал Каверин. Встретившись на каком-то приеме, они друг другу понравились и договорились, по ее предложению, поехать вместе в санаторий. И поехали. Она замечательно умно и остроумно с ним разговаривала целый вечер. Поговорили, разошлись. На следующий день встретились, опять очень долго разговаривали. Там были все условия для того, чтобы разговоры имели продолжение. Зощенко заметил, что она была настолько умна, что ничего дальше и не могло быть. Но это тоже, наверное, старомодно.

Вместо эпилога

— У Иосифа Бродского есть очень печальные и жестокие строки: "просто будущему требуется помещение без них", в которые, как мне кажется, вписывается вся история литературы тех лет. И с такой точки зрения все гонения выглядят, может быть, естественными...

— Закономерность в этих гонениях была. Но, наверное, гонения — свойство истории не только нашей литературы этого периода. Такое было и в немецкой литературе гитлеровского времени. В России был колоссальный взлет начала века: искусства, науки, религии, философии. Очень редко бывает в истории, чтобы одновременно родилось так много просто гениальных поэтов. Потом с приходом большевизма все быстро надломилось. Гибель была оттого особенно мучительна, что погибло огромное количество талантливых людей. И это — не судьба одного человека, которого обижали, а судьба многих людей, и каждый был замечательным, исключительным. Трагедия нашей культуры в диспропорции блестящего начала и того, как все это постепенно растаптывается. Судьба Зощенко — яркое тому подтверждение.

Беседу вела Анна КОВАЛЕВА.
Фото Александра ИЗОТОВА.
Переделкино.